



Валерий Скрипкин

*Запретные
Сны*

Валерий СКРИПКИН

ЗАПРЕТНЫЕ СНЫ

Минск
2000

Скрипкин В.

Запретные сны. Стихи. 2000. — 96 с.

Стихи Валерия СКРИПКИНА своеобразны уже тем, что на первый взгляд кажутся как бы чересчур откровенно-спокойными, умиротворенно-тихими. На самом деле все далеко не так: почти в каждом произведении молодого поэта буйствуют поистине испепеляющая душу страсть и неиссякаемая энергия любви, дополняющие и как бы уравновешивающие друг друга. Потому-то кажущийся поначалу чувственный дискомфорт вскоре незаметно исчезает, оставляя вместо себя заинтересованное доверие к автору.

Книга впечатляет прежде всего открытостью души лирического героя, ее незащищенностью от мракобесия и зла, а главное — неистощимой силой и верой автора в справедливость и человеческое в человеке.

© Автор В. Скрипкин, 1999

© Художник В. Василевский, 1999.



Этот первый поэтический сборник я посвящаю своей матери, которая научила меня оставаться человеком в самых трудных жизненных ситуациях, любить земной мир и не бояться быть открытым для всех.

* * *

Как только свет от солнца-фары
метнулся в сторону земли —
враз оживились тротуары
и улицы все ожили.

Погасли истомленно свечи
в хрустальной люстре зыбкой тьмы...
И я ушел, как прежний вечер,
забыв на радужные сны.

Мне ни к чему твои укоры —
да, я любовь не уберег!..
Трещат взбалмошные моторы,
врезаясь в полосы дорог.

Над дуба величавой кроны,
касаясь крыльями ветвей,
кружат голодные вороны,
напоминая черных фей.

* * *

Осень... Ветер воет —
он изрядно пьян...
Здесь — калина стонет:
всю огонь объял;

там — горит рябина,
рядом — дуб в огне...
В стороне — осина
в багряной чалме.

Золотом березы
устилают шлях...
Шустрые стрекозы
прячутся в ветвях.



* * *

Колдунья-ночь варила зелье,
и в сладкой дреме полусна,
ей пели звезды с опохмелья,
в свой диско-клуб звала луна.

С котла лениво кольца пара
на землю грешную текли...
И жители земного шара
сей пар — туманом нарекли.

Его чарующая дымка
в просвете голубого дня
в душу мою, как ты со снимка,
глядит, не достигая дна.

* * *

Вышла из бара, шатаясь,
бутылку держа в руках.
Меня позвала, кривляясь,
и дым был в ее глазах:

— Жеребчик!.. Айда пить пойло.
Соствь мне компашку, ну!
Веди меня в свое стойло —
и я к тебе там прильну...

— Девушка в мини-платье,
на пойло я не клюю...
За тело твое тебе платят,
а в юную душу — плюют.

Не делай ошибок, малышка.
Разбей бутылку, разбей!
— Где ты был раньше, парнишка?..
Таких, как я, не жалеи.

Нас не любовь терзает —
омут страсти не в счет:
тех, кто Бога не знает,
жизнь очень сильно бьет.

СТАЛИНИСТАМ

Рождая зло, вы мямлите о вечном.
Безумцы, сколько вас таких!
Вы — алчны, лживы и бесчеловечны,
и вовсе не живее всех живых.

Нельзя ли просто в огороде розы
сажать и жить, других любя?
Зачем суетной зависти невроты?
Зачем обманывать себя?

О Боже! Как бесстыдны ваши лица,
и в каждом — облик подлеца...
Я меч возьму и буду с вами биться
до самого победного конца!



* * *

Нелегко
в тебя влюбиться:
твое сердце —
ночь и день...
Ты во тьме —
краса-девица.
А во мраке —
лицедей.

Мне зачем
такие муки?
Снишься ночь всю
напролет...
Протяни
из сна мне руки —
сгинет мрак
и тьма сой^дет.

* * *

Пока мы сыты —
нас унынье гложет.
Пока довольны —
нам все нипочем.
Пока нас дурят —
мы прощать не можем.
Пока нас любят —
чувства бьют ключем.

Пока страдаем —
все для нас невежды.
Пока мы спим —
в душе покой и лад.
Пока желаем —
мы живем надеждой.
Пока свободны —
нам не страшен ад.

* * *

Когда с высоты безбоязно
ныряли вниз облака —
от жизни однообразной
тиной бралась река.

И ночь, раздевая пустыни,
делала смерть нагой,
в окровавленно-жуткой сини
месяц висел ледяной,
в землю впиваясь властно,
злую пронзая даль...

Листает судьба бесстрастно
души отрывной календарь.

* * *

Устав от пламенных речей,
я выбежал из зала...

Тускнеет, вечером томим,
изжелто-серый, смурый дым.

Желтеет солнце на плече
у неба-генерала...

Капризной тишиной гоним,
я положил на сердце грим,

и улетел в страну рвачей —
мир желтого металла.

* * *

Гремит, беснуется бой
подо ржаво-желтой луной...

В атаку пошел батальон.
Среди автоматчиков — он.

Река преградила путь...
Нельзя назад повернуть —

расстрельный заградотряд
своих не щадит ребят.

Скользит по воде рука —
темна, глубока река...

Ему ее не одолеть —
придется на дне колеть.

От страха съежился в крюк...
Выплыть помог политрук.

...Проснулся старик седой —
и рад: он еще живой!



* * *

Ты — мой прожектор, и в тоннели жизни
мне без тебя дорогу не найти.

Ты — колокольчик звонкий и капризный.

Ты — смертный камень на моей груди.

В тебе — весна. Во мне — мороз и ветер.

Наш градусник остался на нулю.

Я только за тебя сейчас в ответе,
и не себя — тебя в себе люблю.

Мы встретимся, и ты этому рада,
как моему унынию и тоске...

Бог нам сулит небесные награды,
размытые водой на бархатном песке.

* * *

За гранитом исцарапанной души —
Синий Омут окаймляют камыши.

Брызги слез соленою волной
разъедают Остров Золотой.

В зону благ я так и не заплыл —
душу в Синий Омут уронил

и блуждаю, презирая страх,
как Отцом отвергнутый монах.

— Синий Омут, без души как жить?
— Будешь верно дьяволу служить.

Торопись — тебя уже там ждут,
украшенья с золота куют.

— Синий Омут, душу мне отдай —
я вернусь назад, в свой бедный край.

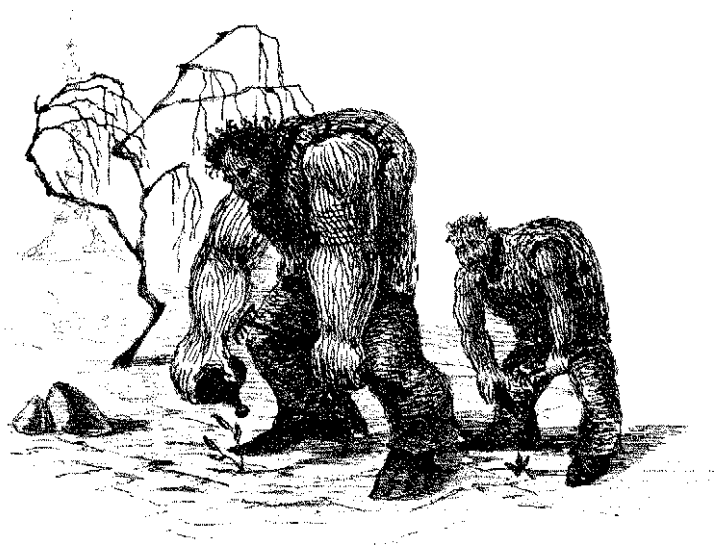
— Что ж, бери... И не играй со мной,
коль согласен жить с пустой сумой.

* * *

Ищите, праведники, свой источник зла,
вдыхайте пыль словесную из уст.
И, чтобы смерть вас всех не унесла
сквозь ржавый жбан судьбы, который пуст,

слезами радости плывите в мир чужой.
А мне, ослепшему, не нужен солнца свет —
наполнить ядом я могу фиал любой,
преподнеся его тому, кого здесь нет.

Сорвется в никуда мой бессловесный крик.
И, выбравшись с трясины вязких пут,
я правды колеей отправлюсь напрямик
туда, где грешников в обиду не дают.



НОЧЬ

Слабый, слепой фонарь
спрятался под дождем...
В стельку бухой звонарь
ищет свой частный дом.

Улиц глубокий сон
насилует пьяный мрак...
Воет такси клаксон,
пугая цепных собак.

* * *

Мы ищем искренность не в чуждой нам душе.
В глаза друг другу смотрим, удивляясь:
две рожицы, как в зеркале, кривляясь,
готовы гнать одна одну взащей.

Из ночи в ночь прелюбодеи-сны
с сердец обвенчанных срывают цепи...
Из женщин мы свое подобье лепим,
лишив их блестков утренней росы.

* * *

Воспоминанья нам даются в наказанье.
А яви бытие — проклятий прежних след.
Мне гложет память первое свиданье —
ты была свежей прелести букет.

Но время смазало чудесную картину —
букет испепелен любви нашей огнем...
Задолго до того, как лечь навек в могилу,
мы красоту свою влюбленным раздаем.

* * *

Твои губы — слаще нектара.
Твои руки — нежнее крыльев.
Без улыбки твоей гитара
покрывается серой пылью.

Грациозную боль соблазна
иссушило горячее небо...
Ледящим потоком оргазма
наши чувства сплывают в небыль.

* * *

Мне не хватает тепла.
Тебе, как я понял, — баксов.
Ты от меня ушла,
словно блудливая такса.

И под «зеленых» хруст —
заокеанской удавкой —
слюняво-прыщавый хлюст
к тебе присосался пиявкой.

Я без тебя охрип,
глотку порвав от стони...
А этот коварный тип
целует твои ладони.

Я без тебя оглох —
твой слышу голос только.
А этот проныра-лох
растляет тебя в попойках.

Я без тебя ослеп —
глаза мои остекленели...
Увидеть такое во сне?...
К чему этот сон, в самом деле?

* * *

Букварь снов и слез алфавит —
лечу, падаю, умираю...
Прожгите мне вены и возьмите графит —
начертите дорогу к заветному раю.

В сердце моем желудочек вскройте...
Избавив себя тревоги,
падайте ниц, ползите и войте,
боль свою разбивая о кромку дороги.

* * *

Вот и конец всему,
что раньше было.
Звезда погасла
в небе навсегда.
Прошла любовь —
и ты меня забыла,
и не случится
чуда никогда.
Я виноват,
прости мою беспечность.
Вернись в мой мир,
наполни светом мглу.
Я у окна стою,
перед глазами — вечность...
Приди ко мне.
Я жду тебя...
Я жду!



* * *

Тому,
кто человекобогом желает стать,
просто нужно понять,
что за далью, чернеющей в небесах,
есть грань беспредельного
и предел разумного,
куда нужно просто упасть,
как в пропасть.

* * *

Тени
Двигаются —
искривленные, полубледные.
Тащатся —
удрученные, бедные.
Шастают —
странные, молчаливые.
Мы — в кабак.
Они — следом.
Довольны обедом.
Курят табак.
Пьяные,
спесиво-игривые,
ни на шаг
не отстают, не исчезают...
Наши тени —
все о нас знают.

* * *

Кошмары нам строят глазки,
лелея отравную ложь.
Мы верим в красивые сказки,
в иллюзию поля из роз.

Мы пишем любовные письма,
и шлем телеграммы вослед.
Мы ищем в разлуке смысла,
но смысла в разлуке нет.

О ЗАПРЕТНЫХ СНАХ

1

Дождь...
Стою на крыльце.
Капли слез блуждают
на моем давно не бритом лице.
Плохо мне — хочется умереть...
Смерть?
Да, я умру, так и знайте.
Не забудьте потом окно протереть —
я смотрел в него,
когда дождь плясал на асфальте,
и оно могло запотеть.
Осуждайте меня, презирайте!
Дождь...
Тихий. Летний.
Стекол оконных звон...
Это всего лишь сон —
тот самый,
запретный.

Чирикайте, феи.
 Хохочите!..
 Я не импотент, угнетенный страхом.
 Не стану целовать губ ваших
 прокуренный зев.
 Любите!..
 Извергайте
 в грязном притоне,
 как на смертной плахе,
 чувств своих гнев.
 Я не моралист —
 душою и телом чист.
 Не терплю лиц пустых,
 белых и черных,
 полутлупых,
 полупритворных:
 в их улыбках — всегда весна...
 В неживом прекрасного нет —
 вот секрет
 моего запретного сна.

Дыхание сонной тьмы.
 В ней — мы...
 Объятый похотью
 ночи блудливой,

нежусь
в ласковой жути
обольстительных бедер;
вздыхая стыдливо,
чувствую:
ни к чему не пригоден...
Натянута страсти нить —
вот-вот порвется.
Фея вожделенно смеется —
ее соседство
приятно мне...
Исковерканной юности лик
грезится
в запретном сне.

4

Смеюсь и плачу: души моей белизна
пусть будет грязна —
я готов отдаться пороку!..
Это все из сна —
все того же,
запретно-глубокого.

5

Плакали все, а я — молчал.
Видя это безумие,

кто-то рядом ворчал,
жалуясь на двуногих существ
слабоумие.

Медь в чьих-то руках
назло мне,
вздыхая протяжно-томно,
проводжала в последний шлях
моего целомудрия страх,
приветствуя звездное ложе...
Такое сбрендится может
только в запретных снах!

6

Белые лилии, вы так нежны:
солнца в вас нет, но тепла полны.
Словно в бреду
истосковавшиеся русалки,
рветесь на берег.
В счастье поверив,
след на росе
ваш я найду...
Если приду
ночью к пруду
в своем запретном сне.



Черноглазая полутень.
Источенный временем пенъ.
Сучьев треск.
Слышен шороха всплеск.
Ободья кругов
на глади зеркальной...
Маниакально
рисую твой образ:
духовно я ожил —
звучит любви моей лира...
Лилии —
надежды цветы.
Ядовитую плоскость кожи
размыли капельки пустоты —
картина живого мира:
пруд, неслышный шорох и ты...
Портрет любимой создан!
Я счастлив...
Повешу его на гвоздик
нашей греховной страсти.
...Меня на рисунке нет —
я все еще
в непробудно-запретном сне.

* * *

За любовь я плачу разлукой.
За счастье — скупой слезою.
Одиночество щенной сукой
заигрывает со мною.

В овальной беспечности круга
в себе я себя теряю.
С мечтой о надежности друга
в огне соблазнов сгораю...

Сетуй на жизнь не сетуй —
она сулит только водку...
Давно синей птицы нету —
ей перерезали глотку.

* * *

Молчунья похожа на тишину.
В сердце ее как найти глубину?

Ветер поет мелодию сна.
Движение губ повторяет луна.

Сказочный шелест нотной строки
страсть умирляет касаньем руки.

Белого платья стыдливый размах...
Небо краснеет. Звезды в глазах.

* * *

Так в чем
любопытство твое?
Услышать хочешь имя мое?
Его нет. Я и тут и там.
Иду за тобой по пятам.
Меня не видно.
Я голый. И мне не стыдно.
Что смотришь?
Все равно ты меня
не видишь.
Не найдешь меня.
Не обидешь.
Чего смеешься?
Прикоснусь к тебе —
обернешься.
Что ты плачешь?
Ложь в слезах прячешь?
Чего кричишь?!.
Спокойно, малыш...
Ну, меня ты заметил?
Я — Ветер.
В небо со мной улетишь?

* * *

В полыхании молний
плавится сталь оков.
В окоеме безмолвья
слышится крик моих снов.

Я подарю небо тому,
кто его не возьмет.
Я подарю землю тому,
кто меня ненавидит...
Я подарю песню тому,
кто ее не услышит.
Стихи подарю тому,
кто их прочтет!..

В заокее дальнем
на утлом, библейском челне
в шторме девятибальном
плывет мое счастье ко мне.

ПАУК

Голубой паук, твоя паутина страшна.
Ты прядешь ее из моего запретного сна.

Ты поднимаешь духом убогих с колен.
Ты превращаешь их в серую пыль и тлен.

Небесный малыш мой, в солнечный круг паутин
ты окутал меня и все еще не отпустил.

Ты — мое целомудрие и первый юности грех,
плен мой любовный и гомерический смех.

Дитя колыбели, загадочное существо,
мы песни свои отпели, пора уходить на дно...

Липкие щупальцы всех твоих членистых ног
тянутся к шее моей?.. Нет! Упаси меня Бог —

смерти я не ищу, ты ошибся, паук голубой:
я тебе, как и ты мне, пока еще нужен живой!

* * *

Смерти оскал — кровавая плаха.
Плачь пустоты — рождение страха.

Жар и вода — укрощенные мощи.
Звезды. Луна. Густолистые рощи.

С белым цветком — соседствует красный.
Поиск любви — труд не напрасный.

Ропот души — неверие в джина.
Брызги волны — слезы дельфина.

* * *

Слепой человек,
ты чувствуешь ложь, когда тебе льстят.
И в снах видишь то,
чего наяву не велят.

Слепой человек,
ты в ночь погружен, но твоя улыбка светла.
От солнца в душе твоей
переизбыток тепла.

Слепой человек,
ты с длинною тростью идешь наугад —
для тебя впереди нет
ни пропастей, ни преград.

Слепой человек,
при встрече с тобой меня кидает в дрожь —
ты на меня,
искателя Правды, похож.

Слепой человек,
быстрее дай руку — пойдем, друг, со мной!..
Мы Правду разыщем
и тростью пригоним домой.



ЛЮБОВЬ

Я уже не верил ни во что...
И надежда крыльями взмахнула,
как неожиданно появилось то,
что когда-то сердце обмануло.

Все во мне воспрянуло опять —
побежали мощными волнами
по осколкам душу собирать
радужные брызги со слезами.

Выплыла из ниоткуда, вдруг,
появилась в огненном отсвете...
Я заметил гибкость нежных рук.
И цветок улыбки я заметил.

* * *

Даль за окном. И сухая трава.
Солнце палит. Болит голова.

В сырости дома, в углу-пустоте,
съежившись, комом, лежу в темноте.

Ломка проклятая сводит с ума.
Голос сипит, в голове — кутерьма:

плавится ум и крошатся мозги,
будто бы кто-то зажал их в тиски.

Нервно, невнятно зубы стучат...
Я — наркоман. И в душе моей — яд.

* * *

Мы ищем правду,
а находим — ложь.
Мы излучаем свет,
а видим — тени.
Давно мы
разучились сеять рожь.
Мы голодаем
от чрезмерной лени.

Наш разум, Ванька Дурачок, —
проснись,
вдохни в задремавший дух
былую славу
и так
земле родимой поклонись,
чтоб выплеснулась
памяти отрав!

* * *

Е.К.

Миновали печаль и страх.
Белой птицей вспорхнула бровь.
Потерпело сомненье крах.
Расцвела ты, как лотос, вновь.

Мы разлукой обручены,
избегаем красивых фраз...
Шелестящая скользь любви
нам сердца пламенила не раз.

Ты любила. И я — любил.
Ты страдала. И я — страдал.
Я любовь нашу не забыл.
Я любви нашей все отдал.

Ты просила прийти — приходил.
Ты смотрела в меня, как в себя.
Я дороги все исходил —
и на каждой встречал тебя.

Мы рассеяли напрочь обман —
и нам снова, как прежде, тепло:
поседевший от солнца туман
спрятал нас под любви крыло.

* * *

Согретый седыми ветрами,
за далью синеющих гор,
живет одинокий татарин,
который в свободу влюблен.

Степного раздолья приятель,
властитель костра и руна,
увидел, как в звездном халате
ему улыбнулась луна.

Он выплеснул чай из пиалы —
арак взгорячит его кровь!..
Свобода ему напевала
неслышную музыку снов.

* * *

Шепчу тебе: «Люблю...»

А думаю о той,
которая в постели
холодна со мной.

В твоих глазах зеленых —
нет зеркала души.

В них чертики погрязли
в заледеневшей лжи.

И ты не верь в меня,
невежду из невежд:
люблю тебя лишь только
нагой и без одежд.

Я — самый скучный льстец
из всех твоих льстецов.

Я — самый хитрый лгун
из всех твоих лгунов.

Живу я в пустоте,
мне нравится мой рай.
Ложишь ко мне поближе
и тихо умирай.

* * *

Я умирал в объятьях страсти.
Стонал от безрассудства грез...
Ушло моё куда-то счастье —
и я задумался всерьез.

Всё получалось как-то странно:
со мной ты избегала встреч,
а я трезвонил неустанно:
«Твоей любви не страшен меч...»

Целуя устье губ упрямых,
ловил я сладострастья миг...
Я и поныне свою память
с твоих не вызволил вериг.

* * *

В одежде ты
казалась мне жестокой.
Я распахнул тебя —
ты ожила.
И ревностным движением зажгла
в душе моей
истлевшую осоку.

Я оценил твои
все совершенства,
на плахе разума
сходя с ума...
Ты — мудрая, практичная пчела:
нектар любви моей —
мед твоего блаженства.



* * *

Запретный плод не так уж сладок,
порок искал твою честь.
В глазах блестит пурпуром лезье,
в душе — безволия осадок.

Ты вышла из объятий тьмы,
опоясав себя удавкой...
Твоя любовь бездомной шавкой
кропит задворные углы.

В КАЗИНО

Ты — хороша. И это знаешь ты.
Но знать, как я хорош, ты не желаешь.
Своей божественно-слепящей красоты
ты простакам, как я, не доверяешь.

Я не женат. И ты могла бы стать
мне любящей и верною женою.
Тебе, такой, только детей рожать.
Тебе, такой, в саду гулять княжною.

Нет, я тобой совсем не ослеплен,
хотя и восхищен твоей фигурой...
Увез тебя какой-то охламон,
стодолларовой соблазнив купюрой.

* * *

Ты — моя прелюдия снов.
Я не мытарь судьбы — твой посох.
Обойдя разверзшийся ров,
мы замрем на краю утеса.

Грешен я. Да и ты грешна.
Целомудрие взрослым вредно.
Без любви измена — смешна.
Без измены любовь — бесследна.

На последнем круге любви
упадем в загрустившие травы...
Вспоминать будут нас соловьи,
заикаясь чуть-чуть и картавя.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Вселенная разворована
Богом и Сатаной.
Шар земной истоптан
солдатскими сапогами.
Людей изуродованных стадо
бредет домой:
кому из них — честь, кому — хула,
разберутся сами.

Дождь ядовит, смрад кругом,
цветы все измяты.
Брызжет кровь из корявых ран —
пулевых пробоин.
Не поют бравых маршев
завшивевшие солдаты.
Эго молчит.
Разум кричит.
Судьба под конвоем.

* * *

Долго счастьем я не обладал —
не запуталось оно в моих сединах...
Много женщин в жизни повидал,
лишь тебя одну забыть не в силах.

Если бы я мог хоть раз соврать
облакам, висящим надо мною,
мне бы легче было сознавать,
что когда-то жил одной тобою.

Ты ушла — не разбудил в тебе
чувства обоюдной сладострасти,
потому меня в твоей судьбе
нет... Как и тебя в моем несчастье.

* * *

Ограниченость мысли, заблуждения, страх.
Человеческий разум превращается в прах.

В забытии увядаем, погружаясь на дно,
где планида за нас все решила давно.

Начертанья великих нам понять не дано,
и мы смотрим сквозь вечность в роковое окно.

Прижимаемся к стенкам и не чувствуем дрожь.
С неба наземь стекает фанатичная ложь.

Часто в ржавчине видим призастившую кровь.
Разучились любить — верим в чью-то любовь.

Как бедны наши души, как уродливы сны!..
Мы вслепую ползем в царство зла — сатаны.

* * *

Что-то задвигалось в сини дикой,
горит под ногами мост, иду.
И пожиратель души двуликой
манит наверх, лечу к нему.

Плавать в огне я не умею.
А мне кричат: «Стервец, молись!...»
Я весь в крови, я сожалею...
Кричат с угрозою: «Торопись!...»

Остановился, потом вслепую
сорвался с места — и наугад
бегу по свету напропалую
сквозь обжигающий снегопад.

* * *

Были времена,
когда поэты
в белокурых верили богов,
и картин греховные сюжеты
волновали буйную их кровь.

Но теперь
кто волен углубляться
в иллюзорность вечности и сна,
и огнем любовным обжигаться,
чтобы грудь холодной не была?

Нет давно
поэтов-дуэлянтов,
их убийц как будто тоже нет...
Недовольные — живут среди эмигрантов,
несогласные — уходят на тот свет.



* * *

Бульвар мечты... Прохожий там блуждал.
Скитался в одиночестве, бесславный.
И мир чужой он плотью ощущал,
бросаясь
в бездну страсти, в бой неравный.

Стремился вырваться из власти пустоты,
вникая в суть пророчеств и видений.
И, растворенный в море суеты,
нарек себя
отцом земных творений.

Он людям отдал бриллиант мечты
и подарил им ожерелье чести...
Он улетел из мира суеты —
в мир вечный,
чтобы жить с богами вместе.

* * *

Был я влюбленным обалдуюм:
в глазах — огонь, в душе — пожар...
Но леденящим поцелуем
ты охладила этот жар.

Небес просторы голубые
и солнца золотая зыбь —
во мгле, как символы благие,
и как ночная птица выпь.

Летите, годы мои, в пропасть —
от вас изрядно я устал.
Всей жизни прошлой однобокость
легла печатью на уста.

* * *

Глаза усталые куда-то смотрят вдаль.
Боль сердце режет — мне себя не жаль.

Бегите, мысли, прочь и не лишайте сна, —
пробейте холод запотевшего окна.

Взорвите мост несбывшихся надежд.
Буаль сорвите с приоткрытых вежд.

Всмотритесь в мир — и испытайте зло.
Утештесь тем — что раньше вам везло.

21 ВЕК

Проплывают тучи, как рыбки,
через сумрачный перевал,
собирая по каплям улыбки
и рождая грохочущий вал.

Леденя в небесном захмарьи,
обнажая сердца святых,
поднимается по спирали
племя гениев молодых.

Утопая в безмолвии диком,
вспомнив прежнего века юдоль,
молодые с желаньем великим
рваться будут на первую роль.

И, цветами огня играя,
в блестках царственного утра,
остановится время у рая,
позабыв на законы добра.

* * *

Бывает мир не так и серебрист,
мелькают дни сшибающим голопом —
и снежный наст всегда не слишком чист:
он сердце жгет забвения пороком.

Скоропостижная печаль ужасна,
и умирать мне на твоих глазах
было бы глупо — чересчур прекрасна
твоя любовь, застывшая в слезах.

* * *

Полумрак, тишина.
Лишь два сердца стучат...
Ты впервые грешна —
и я этому рад.

Бейся, сердце, стучи,
трепещи, изнывай...
Почем зря не кричи —
любви молча внимай.

* * *

Ты — блудливая тень.
Я наркотик любви.
Ты — закрытая дверь.
А я ключ от двери.

Я бываю жесток,
но — и ласков порой.
Я отравы глоток
и поток ледяной.

Та, кто спит не со мной,
не поймет никогда
радость плоти людской
в кромке первого льда.



* * *

Через черную дверь
сомнений, страстей
я ползу, словно червь,
к могиле своей.

Копытом топчу
любви твоей ложь.
Угрюмо молчу —
я на черта похож!

Поседевший рассвет
мое сердце убьет...
Через тысячи лет
оно вновь оживет.

СОВРЕМЕННОЕ

Под сапогами — судьба полубога...
Пенится лес и виляет дорога —
он убежал, и остались в плену
те, кто не нужен теперь никому.

Вновь полубог на коне златогривом —
войско его в бесстрашии спесивом
в стан неприятеля вглубилась яро...
Жизнь полубога — в секунде удара.

* * *

Тоску переколдую в состраданье,
смешаю боль с корнями сорных трав...
Забуду на последнее свиданье,
как и на прежний горделивый нрав.

И, разорвав любовные оковы,
так сладко обнимавшие меня,
уйду к русалкам в захиревший омут,
и взгляд мой будет тоже без огня.



ПОЭТ

Он жадно пил тепло планеты,
искусства строил города,
не продавая за монеты
плод вольнодумного труда.

Его любили, не любили —
в догадках таяли сердца.
И массой сплетен окружили
безумно-храброго творца.

А он, как ветер, жил, играя.
Бродил в пыли былинных трав...
И его сердце, увядая,
разбилось вскоре в пух и прах.

Раскидав россыпью, небрежно,
слова на мрамор золотой,
остался жить поэт с надеждой,
что он — и чистый, и святой.

Ухожу я сам — так будет лучше,
и вздохнешь ты с облегченьем тут же.

Мы — не пара... Ты не видишь это.
Ты не в силах полюбить поэта.

Ты со мной не можешь в путь умчаться,
через скалы жизни перебраться.

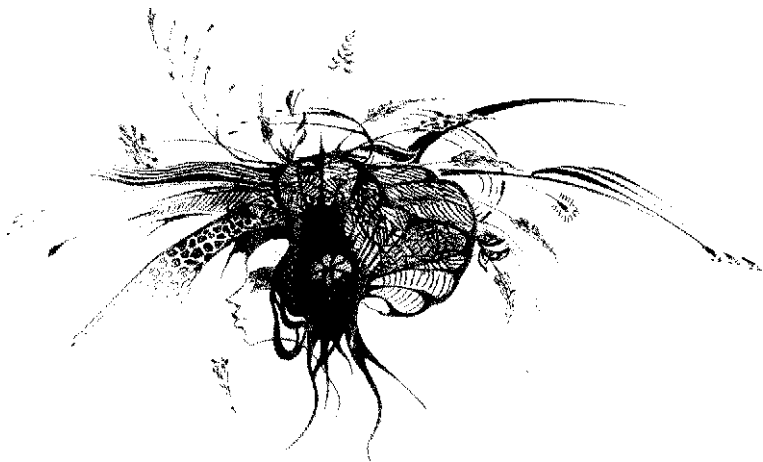
Ты — живи... Живи, не угасая.
Не открыть тебе те двери рая,

за которыми четыре измерения,
где — и я, и все мои творенья.

* * *

Ей ты хотел изменить — и не смог.
Мир стал иной — лег ты в песок.
Черная стая посланников ада
тешится жизнью цветущего сада.

Вот она, правда, — берите ее,
рвите в куски, мне уже все равно!
Бейте в лицо мне, пусть льется кровь...
Правда одна, ее имя — Любовь.



Как я понял, принцип твой прост —
лишь бы жить и беды не знать,
и любви несгораемый мост
приведет в страну Благодать.

Своей праздною пустотой
не старайся заполнить меня.
Я из сказки, но не из той,
где Иванушку дурят зазря.

Есть во мне эгоизм и страх,
но моя незапятнана честь...
Я к любви на семи ветрах
улечу... Она где-то же есть.

Т.Л.

Хочется одну тебя любить,
о пустых забавах позабыть.

Трепетно-капризный огонек,
как ты от меня сейчас далек —
почему нельзя нам жить в любви?..
Почему расходятся пути
с каждым, кто мне дорог и любим?..
Да, похоже — мир неисправим.

Каждый заковал себя в метал,
чтоб никто его не понимал,
чтоб душа остыла навсегда...
Я таким не стану никогда:
над обрывом ледяных сердец —
строю свой таинственный дворец.

Буду пусть всегда я одинок:
одинокство — награда, не порок.

* * *

Мы миримся с собой, других — ругаем.
Поем псалмы маразму, пустоте.
А слезы неба — падают цветами,
и буйством закипают в наготe.

Через любовь пройдем мы в сад святыни.
В разлуке будем еще крепче ждать.
И счастье наше пеплом не остынет —
оно под солнцем будет крепко спать.

* * *

Я болею... Мне очень серьезно
не хватает спокойного сна.
Я смеюсь, но в душе моей — слезы
одинокого мудреца.

Океана неврозного ритмы
суматоху в сердце внесли.
И слова моей первой молитвы
в небо жемчугом уплыли.

* * *

Восточный запах роз...
От аромата пьян,
лежит в пыли цветущий
город детства.
Тибет, Тибет...
Тебе не по годам
с Китаем соблюдать
соседство.
Я Лама твой,
король степей пустых
и горных рек,
стекающих в долину,
и звуков тонких,
как кумыс густых;
сердец усталых,
превращенных в льдину.

* * *

Блуждая
среди муз прекрасных,
витая
в сонме дум благих,
не замечаю
взглядов праздных,
как и
бесстрастно-ледяных.

Ушел я весь
в себя,
глубоко,
и копошусь
в душе немой...
Ошибки
юности далекой
стоят горою предо мной.



* * *

Души порыв растает, словно капля,
в потоке лжи с неистовой волной.
И мне одно покамест непонятно:
как можешь быть ты счастлива со мной?

Я очень странен, бледен и неясен,
а ты, как солнце, согреваешь мир.
Я погибаю, ты меня — спасаешь...
Неужто я и вправду твой кумир?!

АПОКАЛИПСИС

Зло панихиду справляет о добром.
Ярость слюною брызжет в лицо.
Подлость и хамство хохочут утробно.
Демоны ада сжимают кольцо.

Плач, унижения, стыд, оскорбления...
Плоть пережила себя. И давно.
Небо взывает: «Примите прощение...
Не отвергайте — примите Его!»

ОБРЕЧЕННОСТЬ

Нет никого. Жизнь ни к чему.
Боль не страшна. Все к одному.

Смерть не нужна. Все нипочем.
Жизнь под замком. Нитка с ключом.

Что-то не так. Что-то не то.
Ну а любовь — черное дно...

Нет пустоты. Нет тишины.
Нет сумасшествия с чувством вины.

* * *

Река стекла...
Хруст на зубах.
Всплески песка.
Смерть на камнях.

Шипение змей...
Стою, молчу.
Вплавь по земле?..
Хохочу!

Свист голосов.
Магия рук.
Запах сапог.
Порочный круг.

* * *

Глыба льда...
Пустота...
Через остров моих видений
протекает она —
неживая вода,
полускрытая плоть вожделений.
Я потух,
словно люстра в ночи у ног.
Я не весел —
как глыба скоплений мозгов.
Голову свесил —
и в пустоту изрек:
— Половая фригидность тебе урок!



* * *

Я к птицам ближе стал душой.
И телом — тоже ближе.
Они летают надо мной,
а я — стою на крыше...

Вот солнце огненной рекой
весь город окатило —
и я простертою рукой
приветствую светило.

Как хорошо на крыше мне —
да, именно на крыше! —
отрадно думать в тишине,
что человек — всех выше.

Содержание

* * *Как только свет...	4
* * *Осень...	5
* * *Колдунья-ночь...	7
* * *Вышла из бара...	8
Сталинистам	9
* * *Нелегко...	11
* * *Пока мы сыты...	12
* * *Когда с высоты безбоязно...	13
* * *Устав от пламенных речей...	14
* * *Гремит, беснуется бой...	15
* * *Ты...	17
* * *За гранитом...	18
* * *Ищите, праведники...	19
Ночь	21
* * *Мы ищем искренность...	22
* * *Воспоминанья нам даются...	23
* * *Твои губы...	24
* * *Мне не хватает тепла...	25
* * *Букварь снов...	26
* * *Вот и конец всему...	27
* * *Тому...	29
* * *Тени...	30
* * *Кошмары...	31
О запретных снах	32
* * *За любовь я плачу разлукой...	38
* * *Молчунья похожа на тишину...	39
* * *Так в чем...	40
* * *В полыхании молний...	41
Паук	42
* * *Смерти оскал...	43
* * *Слепой человек...	44
Любовь	46
* * *Даль за окном...	47
* * *Мы ищем правду...	48
* * *Миновали печаль и страх...	49
* * *Согретый седыми ветрами...	50
* * *Шепчу тебе...	51
* * *Я умирал в объятьях страсти...	52
* * *В одежде ты...	53
* * *Запретный плод не так уж сладок...	55
В казино	56
* * *Ты — моя прелюдия снов...	57

После войны...	58
* * * Долго счастьем я не обладал...	59
* * * Ограниченность мысли, заблуждения, страх...	60
* * * Что-то задвигалось в сини дикой...	61
* * * Были времена...	62
* * * Бульвар мечты...	64
* * * Был я влюбленным обалдую...	65
* * * Глаза усталые куда-то смотрят вдаль...	66
21 век	67
* * * Бывает мир не так и серебрист...	68
* * * Полумрак, тишина...	69
* * * Ты — блудливая тень...	70
* * * Через черную дверь...	72
Современное	73
* * * Тоску переколдую...	74
Поэт	76
* * * Ухожу я сам...	77
* * * Ей ты хотел изменить...	78
* * * Как я понял, принцип твой прост...	80
* * * Хочется одну тебя любить...	81
* * * Мы миримся с собой...	82
* * * Я болею...	83
* * * Восточный запах роз...	84
* * * Блуждая...	85
* * * Души порыв...	87
Апокалипсис	88
Обреченность	89
* * * Река стекла...	90
* * * Глыба льда...	91
* * * Я к птицам ближе стал душой...	93

Литературно-художественное издание

Скрипкин Валерий

Запретные сны

Стихи.

Редактор А. Масаренко

Художник В. Василевский

Корректор Ж. Яснотка

Компьютерный набор и верстка Д. Андреев